

Б. А. БЕРБЕРОВ

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ ВЫСЕЛЕНИЯ

Сквозь призму анималистических образов автор статьи раскрывает особенности поэтики фольклорных текстов, возникших в период депортации карачаево-балкарского народа.

Ключевые слова: депортация 1943–1957 годов, карачаево-балкарская поэзия, фольклор, анималистический образ, гуманизм, нравственный императив.

По мнению М. Эпштейна, обстоятельно изучавшего соответствующие теоретические проблемы, существует две разновидности анимализма: аллегорический (иносказательный) и природный (экологический). В первом случае образ животного используется «для обозначения всего плохого, дурного, незначительного, природного и недуховного» [1], что соответствует аллегорической и сатирической природе басни. Во втором случае, отмечает ученый, осуществляется поэтизация образа животного в прямом собственном смысле, без введения в культурологические рамки социального этикета и морального кодекса. На наш взгляд, к данной классификации следует добавить еще одну разновидность – «нравственную анималистику», характерную для выселенческой поэзии депортированных народов СССР в середине XX столетия. Цель данной статьи – охарактеризовать этот аспект взаимоотношений спецпереселенцев с животным миром.

Когда-то в незапамятные времена человек приручил, одомашнил животных. Оторвав их от дикой природы, он подписал как бы негласный договор, что ручается за них, будет их покровителем. Животные «доверились человеку», позабыли повадки и инстинкты, воспитанные в них дикой природой. А условия, продиктованные выселением 1943–1944 годов, вынудили людей оставить домашних животных на произвол судьбы. Народ, оказавшись без вины виноватым, нарушил тот великий гуманистический закон, «обязательства» перед зооморфным другом, которые очень точно выразил классик французской литературы А. де Сент-Экзюпери: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил» [2]. Уместно сказать о том, что мысль об ответственности человека перед братьями нашими меньшими зафиксирована и в карачаево-балкарском пословичном фонде. «Юйретме, юйретсенгкьурутме» («Не приручай, а если приручил, не лишай заботы и внимания»). В другой карачаево-балкарской максиме «Мал теъриси – адам» («Бог домашних животных – человек») еще более определенно подчеркивается идея зависимости судьбы и жизни животного от его «верховного божества» – человека.

Не менее наглядным примером тому являются и тексты песен из книги «Кечгюнчюлезгертеми» («Словесные памятники выселения») [3].

«Бузоулакьалдылабирачыкьычыра, / Ийнеклекьалдылаёкюре» («Телята издавали жалостные звуки, / Коровы остались мыча»); «Жылкьысырюле да кьалыб а кетдиле / Тауда-

жылкьычысыз, атчысыз» («И табуны лошадей остались / В горах без табунщика и всадника»); «Таулагьакьачыпбаралла, жаным, / Изгилтинболгьан а кьойла» («В горы убегают, родимый, / Испуганные овцы»); «Тыгьырыкьланыкишнелбарыды / Быладанкьачхан тор атынг» («Скакун, убегая от них, / Ревом наполняет улицы»); «Малатаралыпмёнгюрейдиле: / “Кимгекьоясызбизни?” – деп» («Домашние животные надрывно мычат, / Говоря: «Кому вы нас оставляете?»); «Ийнеклерибизкьалдылабауда: / “Кьайрысыз?” – деб а ёкюре, / Кьойла, кьозулакьалдылабауда: / “Кетмеиз!” – деб а макьыра» («Коровы остались в хлеву: / “Куда вы?” – они мычат, / Овцы, ягнята остались в хлеву: / “Не уходите!” – они блеют»); «Тауукькьычырыгы, сабийжылягьаны / Жюрекжауунгуашайтуралла» («Кудахтанье кур, плач детей / Сердце терзают, изводит душу»); «Итлеулуй-улуй, ийнеклеёкюре. / Атла, ёгюзлекьалыпкетдилеолкюн, / Колхоз боюсаданыйилмей» («Собаки воют-воют, коровы мычат. / Лошади, быки остались в тот день, / Привязанные к колхозному ярму»); «ХужусунакьалдыКьарачайнымалы, / Кишнейкьышылыкьадаатлары» («Пропал в зимовьях скот Карачая, / Ржут в кишлаках лошади»); «Ийнеклерибизорундакьалдыла, / Эшиклериащылмайёкюре» («Коровы остались в хлеву, / За дверями запертыми, жалобно мыча»); «Иесизмалдантолдула, дейди, / Малкьарёзенле, чегетле» (Беспризорными животными наполнились, говорят, / Балкарские ущелья, леса); «Атамтопуракьалгьанды, / Азыкьсалыучуартмакьгьа» («Отец положил горсть земли / В переметную суму, в которой носил еду»); «Кьойларыбызны ким элтир, / Элибизбаиыжалтакьгьа?» («Овец кто погонит / На пастбище в верховьях села?»); «Жауунлажаууп, маллаёкюрюп, / Жерибизкьатытепгенди» («Шли дожди, скот мычал, / Наша земля сильно пошатнулась»); «Малкьарэлленесемизмаллары / Баулагьаурулупкьалдыла» («Тучные животные в балкарских селениях / Остались запертыми в хлеву»).

Спецпереселенцы фактически отправлялись на погибель, они ясно осознавали, что впереди ждут голод, холод, унижение, смерть, – тем более показательно, что среди их раздумий одно из центральных мест занимают тревожные мысли об оставленных в горах четвероногих друзьях. Почти нет упоминаний о материальных ценностях, но великая скорбь, судя по фольклорной хронике, охватывает душу лирического героя из-за вины перед высшими представителями природы – живот-

ными, прирученными человеком, разделявшими его труды и дни. Человек нарушает свое обязательство перед природой, он обманывает доверившихся ему, становится клятвопреступником. Это страшное преступление, которое народ совершил не по своей воле и, как свидетельствует фольклор, сильно об этом переживал.

Сбор фольклорной поэзии выселения был начат во второй половине XX века, осмысление материала продолжается до настоящего времени, фонд «Литература периода депортации» существенно пополняется.

Большую подборку авторских стихотворений нам представил ветеран труда Расул Шохайович Жамурзаев (ныне житель с. Хушто-Сырт Чегемского р-на КБР; род. 10 апр. 1917 г. в с. Актоп-рак). В ней, согласно теме нашего исследования, привлекает особое внимание поэма «Къартпарий-никъадары» («Судьба старой собаки»). В основу сюжета легло происшествие, имевшее место в 1958 году в одной из кошар Чегемского ущелья, по свидетельству сказителя-информатора, в качестве действующих лиц выступают реальные участники событий – Исмаил Калабеков, Ачабал Хуртуев. По форме изложения стихотворный текст комбинируется с прозаическим, бинарность композиции подчинена строгой художественной логике: авторская речь дана прозаическим слогом, монолог главного героя Исмаила облечены в стихотворную форму. Поскольку текст поэмы еще не опубликован, позволим себе в сжатой форме передать его основное содержание.

В прологе автор дает небольшую историческую справку. 1958 год. Чегемское ущелье. Вернувшиеся с чужбины горцы восстанавливают родное село, строят новые дома, облагораживают улицы. Царит атмосфера всеобщего счастья и торжества справедливости.

Характерная деталь: даже название возрождающегося колхоза «Заря коммунизма» изменяют на новое: «Родина». Переименованием подчеркнут источник народной радости. Ликование заметно и в описаниях природы: красота Чегемских водопадов зовет к себе людей из отдаленных уголков земли. Исследователи поэзии выселения нередко подчеркивают то обстоятельство, что при возвращении на родину горцу важно телесно, физически соприкоснуться с объектами природы. Это заметно и в поэме Р. Жамурзаева: «Люди широко открывали рот, вдыхали воздух, наполняли им легкие и дышали быстро-быстро» [4], ведь они 13 лет мечтали о родных горах, когда жили далеко от родины в степях Казахстана. Повествователь разделяет этот восторг.

Возрождаются не только колхозы и дома, но и национальная кухня: горянки готовят домашний хлеб, хычины, айран, щедро угощают ими гостей из других краев.

На фоне всеобщего народного ликования разыгрываются события, дающие понять, что трагедия выселения не закончилась, большими и маленькими бедствиями она еще долго будет отзвучиваться в судьбах людей. Новое руководство колхоза «Родина» командировало троих работников –

Исмаила Калабекова, Ачабана Хуртуева и Расула Жамурзаева – в Зольский район для закупки партии крупного рогатого скота. Перевалив через горные хребты, усталые, они добрались наконец до нужной им кошары Хаути на Зольском пастбище. Здесь произошло то, что потрясло всех присутствующих. Старая собака отделилась от кошары Хаути, доковыляла на слабых негнущихся ногах до Исмаила Калабекова и положила передние лапы на его плечи. Ее горький вой дал понять всему окружающему миру, что через многие годы разлуки она встретила своего хозяина. Трогательную встречу человека и его четвероногого друга автор описывает подробно, с обилием натуралистических элементов: «Исмаил с трудом приподнялся с камня, на котором он сидел, опустился на корточки и, приблизив свое лицо к морде собаки, обхватил ее двумя руками. Старик как будто мед пил, целовал собаку, не обращая внимания на слюни животного, длинными нитями свисавшие до земли».

Далее рассказывается предыстория этой встречи, показавшей редкостную преданность животного человеку. В тот мартовский день 1944 года, когда балкарцев выселяли, Бойнак, тогда еще щенок, не желая расстаться, бежал за увозившей хозяина машиной студебеккер «двадцать человеческих криков».

Хозяина, Исмаила Калабекова, как и весь депортированный народ, увезли в неведомые дали, а обессиленную собаку подобрал Хаути, кабардинский труженик, человек доброй души. Он очень сильно привязался к породистому щенку, холил и лелеял его как мог. Собака отвечала ему тем же: благодаря ее чуткости и самоотверженности у Хаути в кошаре и на пастбище ни разу не пропала ни одна овца. Из монолога Хаути мы узнаем, как он дорожит собакой. Многие, в том числе и родной дядя, просили ее отдать им, предлагали выгодный обмен, но в свое время он и на корову не согласился ее обменять.

Еще большей экспрессией отмечен монолог Исмаила. Он говорит о любимой собаке, что она была способна «слышать звуки подземного мира» («Жертюбюнденальгучуед / Къулакъларынгтауушну»), ее чувства были сродни человеческим: пес мог смеяться, улыбаться, печалиться. С помощью метафоры «Ты сегодня посадил меня на верблюда» герой-повествователь выражает высочайшую степень радости, счастье от этой запоздалой встречи. Так подчеркнута возвышенное состояние души старого горца, который тоже все тринадцать лет, проведенных на чужбине, хранил в сердце образ любимого друга, не теряя надежду на встречу с Родиной и всем самым дорогим для него. В финале стихотворного монолога Исмаил горячо благодарит Хаути – спасителя и нового хозяина собаки за теплый прием и за доброе, гуманное отношение к животному.

Кульминацией становится момент, когда наступает время решить: с кем теперь останется Бойнак. Предстоит ли ему вернуться с исконным хозяином Исмаилом в Чегем или он проведет недолгий остаток своих дней с Хаути, которому он служил верой и правдой целых 13 лет? Нравствен-

ная дилемма кажется неразрешимой, и это усиливает трагическую линию в поэме. В качестве философского стержня выступает мысль о том, что из-за ситуации выселения не только мир людей, но и мир животных оказался трагически расколот. Многократным повтором слова *шаиханды* ('сошел с ума'), которое используется применительно к собаке и к Исмаилу, автор подчеркивает бессилие разума человека и сознания животного перед многоголикими последствиями Зла.

Поэма Р. Жамурзаева побуждает читателя искать конкретные социальные и политические причины универсального безумия, понять его как вину цивилизации, вину вершителей зла, изнутри разрушающих вековое родство человека и природы. Как справедливо отметил Х. Малкондуев, одним из первых исследовавший поэтику данного произведения, «народной фантазией создается художественная картина, где человек и представитель животного мира составляют единое природное целое. Мотив их насильственного разлучения подчеркивает идею антигуманности войны и депортации как двух самых глобальных зол в системе национального бытия XX века» [5].

Надо отдать должное творческому таланту Р. Жамурзаева, который, не будучи профессиональным литератором, создал полноценную поэму с ярко выраженным гуманистическим пафосом, в которой не ограничился простым воспроизведением достоверного колоритного исторического материала. Элементы художественного вымысла и психологизма подняли ее до философских высот: «художественное освоение мира животных, отметил М. Эпштейн, – одна из тех пограничных проблем, где пересекаются интересы этики и эстетики, экологии и культурологии. Именно животные представляют ближайший, родственный человеку мир природы, который в наибольшей степени нуждается в экологической защите» [6].

Итак, в карачаево-балкарском поэтическом цикле о выселении гуманистически заостренно

подана параллель «человек – животный мир». В текстах, возникших с первых дней депортации, безымянные творцы фольклора оплакивали разлуку с «друзьями меньшими», трогательно воспевали скорбь расставания с животными (коровы, собаки, лошади и др.), которых вынужденно покидали изгнанники с родной земли.

На первоначальном этапе сказывалась потребность зафиксировать реальное крестьянское чувство жалости к прирученным существам, которые брошены на произвол судьбы. На дальнейших этапах освоения анималистической темы художники наполняли зооморфные образы сложными философско-психологическими идеями (особый тип анимализма). К подобному направлению, бесспорно, принадлежит поэма Р. Жамурзаева «Судьба старой собаки», поскольку в этом произведении воплощена нравственная высота человека.

Литература и примечания

1. *Эпштейн М. Н.* Мир животных и самопознание человека // Художественное творчество. Человек – природа – искусство. М., 1986. С. 128.
2. *Экзюпери А.* Планета людей. Нальчик, 1980. С. 466.
3. Кёчгюнчюлеэсгертмеси. Жырлаблантамула (1943–1957). [Словесные памятники выселения: Народные песни и стихи балкарских и карачаевских поэтов (1943–1957)]. Нальчик, 1997. Перевод поэтических текстов сделан автором статьи.
4. Здесь и далее подстрочный перевод поэмы «Къартпарийникъадары» принадлежит автору статьи.
5. *Малкондуев Х. Х.* Осмысление Великой Отечественной войны и депортации в одной малоизвестной авторской поэме // Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны: материалы региональн. науч.-практич. конф. Нальчик, 2005. С. 176.
6. *Эпштейн М. Н.* Мир животных и самопознание человека ... С. 126.

B. A. BERBEROV. ANIMALISTIC IMAGES IN KARACHAY-BALKAR FOLK POETRY OF DEPORTATION

In the light of animalistic images the author of the article reveals the peculiarities of the folk texts poetics that appeared in the period of Karachay-Balkar people's deportation.

Key words: *deportation in 1943–1957, Karachay-Balkar poetry, folklore, animalistic image, humanism, moral imperative.*

О. А. ГРИМОВА

НАРРАТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ Ю. БУЙДЫ «СИНЯЯ КРОВЬ»

Статья посвящена изучению повествовательных структур романа Ю. Буйды «Синяя кровь», их соотносительности с доминирующей в тексте мифологической картиной мира.

Ключевые слова: *современный роман, Ю. Буйда, нарративная стратегия, нарративная модальность.*

Современный роман представляется нам областью литературоведческого поиска, где вопросов пока больше, чем ответов; эффективным инстру-

ментом для его исследования может служить понятие нарративной стратегии. По классификации В. И. Тюпы, она включает в себя три взаимообус-